

СОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ “ШАМАНСКОГО ДЕЙСТВА”

Под шаманизмом в этой статье мы будем подразумевать феномен, существующий преимущественно в северной и центральной Азии, а также в Северной Америке; к шаманам также будут относиться “некоторые категории знахарей и колдунов, существовавшие в первобытных сообществах”[8, 226].

Шаманизм можно определить как “архаическую технику экстаза, то есть примитивную психотехнику”[7, 88]. Предполагалось, что шаман обладает некоторым “мистическим опытом”; он мог “подниматься на Небо” и напрямую общаться с богами, просить совета или помощи у духов умерших. То, что для других членов сообщества было недостижимым и непостижимым, для шаманов являлось “делом обычным”.

Разумеется, стать шаманом было непросто. Известны три основных пути, ведущих к сокровищам тайного знания.

Во-первых, шаманом становятся в случае “*спонтанного признания*”: человека непрерывно преследуют видения и галлюцинации, благодаря чему он чувствует своё призвание как некий зов Иных Сил, заболевая непонятной и необъяснимой “шаманской болезнью”.

Во-вторых, стать шаманом можно, *получив* “профессию” *по наследству*, от преуспевших в этом деле родичей.

И, наконец, в-третьих, решение стать шаманом может быть принято сознательно, из личных побуждений, не связанных с “болезненными симптомами”, либо же по воле клана.

В любом из трех случаев шаманом человек станет лишь тогда, когда получит “двойное наставление”, выраженное в виде двух

ступеней: “ 1) экстатического порядка (сны, видения, транс и т.д.) и 2) традиционного порядка (шаманская техника, имена и специализация духов, мифология и генеалогия клана, тайный язык и т.д.) [8, 226].

Мирча Элиаде в работе “Тайные общества: обряды инициации и посвящения” выделяет пять основных моментов процесса посвящения в шаманы. Во-первых, кандидат внутренне переживает пытки и “расчленение” его собственного тела. Во-вторых, он должен достичь в своих переживаниях состояния “голового скелета”: во всех деталях почувствовать, как его тело лишается плоти, как из него уходят все жизненные соки, как остаются только кости, которые дают возможность будущего возрождения. Далее, во время инициации происходит процесс “замены сосудов и обновления крови”. [8, 226]

Кроме того, будущему шаману предстоит непременно спуститься в Ад и пробыть там как можно дольше, ибо именно там его будут обучать “ремеслу” духи умерших шаманов и “демоны”. Последним испытанием выступает “подъем на Небеса, для получения посвящения Небесного Бога”. [8, 226]

Когда с этими мытарствами будет покончено, миру явится “почти полноценный” шаман. Он, однако, не будет представлять собой некоего служащего, исполняющего определенные “технические” функции. Он войдет в элиту сообщества. Е.А.Торчинов отмечает:

“...Шаманы представляют собой интеллектуальную элиту своих народов. Их интеллектуальный уровень и волевые качества в целом значительно выше, чем у их среднего соплеменника. Именно шаманы выступали, как правило, хранителями национальной культуры и традиций, фольклора и эпоса” [7, 94].

Шаман, по сути дела, исполняет роль “общественного психотерапевта”. В этом смысле, глубоко символична “шаманская болезнь”, о которой уже было сказано. Она представляет собой

целый комплекс патологических состояний (сонливость, головная боль, ночные кошмары, зрительные и слуховые галлюцинации). Страдающий этими симптомами постепенно приходит к мысли о собственном избранничестве, и, пройдя все положенные обряды инициации, начинает заниматься шаманской деятельностью, после чего, все болезненные симптомы исчезают начисто. Так, вылечиваясь, сам, новоиспеченный шаман получает возможность лечить других.

Не сталкиваемся ли мы с чем-то подобным в традиции классического психоанализа, где психоаналитик, перед тем, как заняться практической деятельностью, просто обязан был пройти курс психоаналитического лечения у практикующего специалиста? Правда, здесь возникает вопрос о том, кто лечил самого первого психоаналитика... Если рассматривать в этом плане деятельность З. Фрейда, опустив все предшествующие течения, одним из которых может выступить практика Франца Антона Месмера [3, 697-700], то вывод очевиден: первого психоаналитика “лечил” он сам. Но зачем же тогда необходимы вмешательства в нашу психику извне, если мы в полной мере способны *сами* совершить “небывалые метаморфозы” - в случае необходимости? Оставим этот вопрос открытым, и вернемся к нашим шаманам.

Итак, шаман получал возможность лечить других людей, путешествовать через пространство и время. “Высший пилотаж” шамана - его способность находиться одновременно в нескольких местах, то есть исполнять то, что простому человеку, не доступно по определению.

Претендент в шаманы, “вылечивается”, становясь шаманом, но *как именно и благодаря чему?* Он может сказать: “Я стал шаманом посредством обрядов инициации, но Я, в то же время, излечился сам, став шаманом”. Не следует ли допустить, что решающую роль в изменении сознания человека, переживаемым как выздоровление, играет сам процесс *посвящения?*

Пожалуй, не стоит особо обосновывать наше обращение к изучению обрядов инициации, ибо философа интересует не только и не столько ставшее, изменившееся, *замершее* в своем развитии, а стало быть, *мертвое* и *неживое*. Его значительно больше интересует развивающееся, вечно стремящееся к иному, *живое, действующее*. Его интересует момент грандиозных трансформаций или же едва уловимых, плавно протекающих перемен. Философ стремится познать становящееся, сам находясь в этом становлении...

Именно потому процесс превращения человека из обычного “соплеменника” в практикующего шамана необычайно интересен для нас, ибо здесь возникает новое: больное превращается в здоровое. Именно этот процесс превращения несет в себе ключ к загадке шаманской психотехники.

Приведем несколько примеров обрядов инициации, которые, как нам, кажется, наиболее полно раскрывают смысл “первичных экстатических переживаний”.

Вот что говорит М. Элиаде об испытаниях сибирских шаманов во время посвящения: “Они лежат без сознания, почти неживые, от трех до девяти дней, иногда и больше, в юрте, или в уединенном месте. В течение этого времени они не разговаривают и не едят. Некоторые, кажется, даже перестают дышать, и их по ошибке могут похоронить. Их одежды и постели пропитаны кровью. Вернувшись к жизни, они рассказывают, что были расчленены на части демонами, или духами предков: их кости были очищены от плоти, жидкость выпущена из тела, глаза вырваны. Плоть некоторых долго варилась на огне, другие получали новую кровь и новую свежую плоть. Наконец, их воскрешали, но с полностью обновленным телом и обладающими даром шаманства”[8, 231-232].

Следующие описания обрядов инициации и вовсе леденят кровь, вызывают недоверие либо благоговейный ужас.

“...У якутов духи уносят будущего шамана в Ад и три года держат его запертым в доме. Именно там он проходит свое посвящение: духи отрезают ему голову, которую ставят рядом (так как он должен собственными глазами видеть, как его расчлениют на куски), а затем разрезают на мелкие кусочки, которые отдают духам болезней. Только при этом условии будущий шаман получит право исцелять больных. Затем его кости покрывает новая плоть, а в некоторых случаях ему дают, и свежую кровь. По другому якутскому свидетельству, черные “дьяволы” разрезают на части тело будущего шамана и разбрасывают на куски в разных направлениях, как приношения; а затем в его голову втыкают копьё и отрезают челюсть...”[8, 231-232].

“Существует множество различных типов шаманских инициаций, но все они неизменно включают в себя элементы переживания смерти, расчленения, очищения и воскресения. В инициации как бы умирает “ветхий человек” и воскресает обновленная и укрепленная личность “нового человека”, “сверхчеловека” архаического сообщества...”[8, 92].

Так обычный человек, проходя ряд ритуальных обрядов, становится шаманом. Он, подобно мистам Древней Греции, переживает собственное “умирание” и смерть, “он представляет, как его тело расчлениют на части, извлекают внутренние органы и развешивают на крюках. Потом их варят и выделывают заново”[8, 92].

Его тело “меняется” на его глазах; душе приоткрывается завеса неведомого, и сквозь тьму пробивается свет. Он стал другим, он, пожалуй, уже - не “он”. С “ним” случилось “нечто”, и это нечто пропитало изнутри, ворвалось и превратило его во что-то иное, в “свое иное”. Он принял смерть, и как сказочный феникс, вновь возродился из пепла.

Для него нет страха, трепета, ужаса, ибо он уже пережил самое страшное и неведомое - небытие, крушение идеалов, разрушение

оснований бытия. Это освободило его, вывело на новый путь - “воина-мага”. Теперь ему ведомо Земное и Небесное: оно - не с ним, оно - в нем...

Что же, по сути, заставляет изменяться сознание человека, переходить на новый, качественно иной уровень не только психологического, но и социального восприятия? Пытаясь осмыслить этот значимый для нас момент, оставим в стороне мистическую сторону дела и ограничимся психологической. Что же повергает человека в ужас, заставляя вновь и вновь “проигрывать ситуацию на себя”, рисуя страшные картины Ада (*Aida*)? Каждый носит свой Ад внутри себя. Чего же более всего боится человек? Мы говорим сейчас не о “конкретных” страхах, связанных с теми или иными жизненными обстоятельствами, и даже не о метафизически отрефлектированном понятии страха. Мы имеем в виду “витальный страх” - тот вязкий, чудовищный страх, который временами охватывает индивида, делая его подобным животному. Это - *страх собственной смерти, мучений, боли*.

Такой страх временами пожирал человека уже в этой жизни, и, как предполагалось, он не должен был оставить его даже после физической смерти. “Тибетская Книга Мертвых”, повествующая о мытарствах души после смерти, по-своему трактует проявления подобного страха. Надеясь на снисхождение читателя, мы приведем здесь довольно емкий эпизод из этого бесспорно интересного источника.

“...Если не в силах ты отвлечься от своих страданий, тогда Добрый Дух твоего возраста придет и станет складывать белые камушки твоих добрых дел. С ним вместе с другого Боку придет Недобрый Дух и станет черными голышами отсчитывать твои дурные дела. Увидав эти кучки, ты можешь испугаться и станешь лгать, кричать, что это несправедливо и не было таких дурных дел, а добрых было больше... Сразу появится Князь Смерти перед

тобой с *Зеркалом Судьбы* (Кармы)*, которым отражаются доброе и худое в точности.

Заглянешь ты в это *зеркало* и увидишь правду. После Князь Смерти наденет тебе петлю на шею и потащит за собой. Тебе отрубят голову, вырвут сердце, выгребут наружу кишки и внутренности и станут пожирать мозги твои, пить кровь твою, жевать плоть и грызть твои кости. Безумная и невероятная боль охватит тебя. Увы! Ты не умрешь. Твое мистическое тело вновь соберется, и снова тебя потащат с петлей на шее, снова разорвут и разгрызут на части. Это будет повторяться снова и снова, и не будет тому конца, пока ты не осознаешь происходящего. Пока не отдашь отчет, что это ты сам себя судишь, что все картинки всплывают из мутных вод твоих мыслей! Ни Князь Смерти, ни чудовища, рвущие тебя на части, плотью не обладают, как и ты сам. Все эти жуткие сцены — лишь морок, видения. Однако здесь, в этом мире Бардо, видение и ты сравнимы по плотности и потому боль — настоящая!”[6].

Не испытывает ли нечто подобное “кандидат в шаманы”, во время процедуры посвящения? Мы, безусловно, говорим не о страхе перед несправедливостью при подсчете дел добрых и злых, а о том состоянии, где граница между “жизнью” и “смертью”, добром и злом, болью и видением, оказывается размытой, неясной, стертой. ... Да и есть ли она вообще?

Нам кажется (ибо утверждать и кичиться истинностью своих догадок в данной ситуации было бы, по крайней мере, нелепо), что обряд инициации специально требует прохождения аналогичных испытаний, главная цель которых - перебороть свой страх. Страх, искажающий истинный порядок вещей, страх, не дающий жить “полной жизнью”, страх, искоренение которого есть ключ к познанию.

Возможно, что во время инициации человек борется не только с “демонами смерти”, но и с “призраками жизни”. Ведь если он

“умирает и рождается” заново, то, наверняка, вновь переживает сотворенные им “злые” дела, запечатленные в его сознании, словно в зеркале. Нам хотелось бы акцентировать свое внимание на образе “зеркала”, встречающемся в Тибетской Книге Мертвых. “Зеркало” предстает перед нами как нечто священное, вбирающее в себя добро и зло, темная сторона которого смешивает эти состояния. И только тот, кто посмеет взглянуть в него и за “реальным отражением” увидит “подлинную реальность”, затерянную в глубине подсознания, сможет избавиться от гнетущего страха и сомнения. Он будет подлинно свободен, находясь в обществе, и, в то же время, далеко за его пределами....

Собственно говоря, человек сможет освободиться от терзаний духа только тогда, когда он “убьет в себе надежду” на легкое и чудесное избавление от них, когда переборет страх, “окунется в стихию ледяного спокойствия”. Тогда и только тогда, боль покинет его, муки и страдания иссякнут, душевная рана затянется, но будет кровоточить, словно стигматы на теле верующего. Опасность возвращения в тот край кошмара и ужаса будет преследовать его всю жизнь. Он станет шаманом и будет “торговаться с Зеркалом Судьбы”, помогая другим страждущим.... “Излечившись”, он будет “лечить” других, “сможет безнаказанно покидать свое тело, ...а если пожелает, будет вести себя как дух”[8, 245].

“Шаман, по преимуществу личность экстатическая”[8, 244], в силу чего ему, конечно, приходится совершать некоторые “экстатические путешествия”. “Странствия” подобного рода можно классифицировать следующим образом: 1) предпринятые во имя всего племени, во время которых, шаман встречается лицом к лицу с Небесным Богом и предоставляет ему приношения от соплеменников; 2) ради конкретного члена племени, в случае, когда необходимо отыскать душу больного, которая, как предполагается, заблудилась, или была похищена демонами; 3) необходимые для препровождения души умершего в его новое жилище; 4) и, наконец,

совершенные во имя усовершенствования своих знаний, благодаря общению с Высшими Существами [8, 244].

Пожалуй, исходя из вышеперечисленных возможностей шамана, можно сделать некоторые предположения о социальном статусе этого члена сообщества. Итак, если какой-нибудь человек обладает бесспорным правом общения с Высшим Существом, предлагая Ему дары и подношения всего племени, означает ли это, что племя доверяет этому человеку? Разумеется. Хотя правильнее было бы сказать: не *доверяет*, а *доверяется*, ибо от того, как воспримет Божество дары племени, зависит дальнейшее существование этого сообщества.

Как должны воспринимать соплеменники того, кто может вылечить, кто поможет душе найти покой после смерти (а это участь непременно постигнет каждого)? Того, кто получает знания от самого Бога, кто при жизни “знаком” с демонами Ада?

Уважение, преклонение, суеверный страх, надежда, доверие - вот неполный перечень того, что испытывают обычные люди при встрече с шаманом. Он - сверхъестественное существо, он - созерцатель, он - мыслитель. Он - обладатель тайного знания, способного “творить” благо и осуществлять зло. Он - психотерапевт, не “пишущий книг, не тиражирующий свой уникальный опыт для всех и каждого”. Он – “человек, который знает и помнит... тайну жизни и смерти”[8, 258] ...

Литература:

1. Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии– М.: “Наука”, 1994.– Ч. I. - 300с.
2. Еремеев А.Ф. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура: курс лекций: В 2 ч. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1997. – Ч. 2.- 220с.
3. Леман А. История магии и суеверий от древности до наших дней. - М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 768с..

4. Н.Дядьков. Энциклопедия мистицизма. СПб.: "Литера": ВИАН, 1997.
5. Невилл Друри. Шаманизм. - Харьков: Зодиак, 2000. – 144с.
6. Тибетская Книга Мертвых. Интернет - сайт: [http:// ariom.narod. ru / litera.htm](http://ariom.narod.ru/litera.htm).
7. Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1997. – 384с.
8. Элиаде Мирча. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения / Пер.с франц. – К.: София, М.: Гелиос, 2002. – 352с